

## К ВОПРОСУ О СОЮЗНОСТИ ЧАСТИЦ

К. Фабриц

1. В литературе о частицах имеются указания на то, что некоторые из них способны выполнять союзные функции. В "Русской грамматике" разряд частиц рассматривается как потенциальный круг слов, обогащающих состав союзов: "Резервом, пополняющим класс союзов, являются формально неизменяемые слова, главным образом из сферы частиц, наречий и вводных /модальных/ слов..."<sup>1</sup>. О процессе, обуславливающем указанное пополнение, О.Е. Знаменская пишет следующее: "В современном русском языке частицы все больше приобретают конструктивно--синтаксическую роль и все шире используются в союзной функции, не только примыкая к одному из членов предложения, но и выражая отношения между ними, образуя особую категорию частиц-союзов"<sup>2</sup>.

В связи с этим встает ряд вопросов, немаловажных как с точки зрения понимания сущности взаимосвязи союзов и частиц, так и с точки зрения их разграничения. Например, необходимо уточнить, какие элементы употребления частиц сближают их с союзами, можно ли на основе предполагаемой близости ставить знак равенства между некоторыми союзами и частицами, что такое "частица-союз", какую роль частица-союз играет в выражении различных отношений.

Настоящая работа ставит целью указать на некоторые недостатки в определении соотношения союзов и частиц, а также коротко уточнить понятие частиц-союзов, или, как нами ниже будет предложено, "союзов-частиц".

2. Функциональная близость союзов и некоторых частиц отмечалась рядом исследователей<sup>3</sup>. Н.Ю. Шведова в своей монографии создает полный, казалось бы, перечень тех частиц, которые способны выполнять союзные функции. Автор называет их "союзными частицами", и в эту группу относит следующие лексемы: и, ну и, оно и, так, тоже, все /все же/, все-таки, или, разве, однако /однакож/, но, будто, как

будто, как бы, словно, ровно, точно, добро бы, диви бы, благо, даром что<sup>4</sup>. При этом, однако, понятие союзности конкретно Н.Ю. Шведовой не определено, поэтому приведенный перечень может показаться несколько произвольным, что подтверждается разделом о частицах в "Русской грамматике", автором которого также является Н.Ю. Шведова<sup>5</sup>. В указанном разделе /с. 723--731/ используется уже термин "частица-союз", а состав частиц-союзов по сравнению с группой "союзных частиц" расширяется за счет следующих слов: ведь, вот и, даже, если, и то, ладно, лишь, просто, пусть, пускай, так и, только, хоть, хотя, чтоб. Подобное расширение круга частиц-союзов вряд ли можно объяснить быстротой перехода частиц в разряд союзов, оно скорее объясняется расплывчатостью самого термина, ср.: "Частицы - союзы совмещают разные модальные значения со значениями связующих слов"<sup>6</sup>.

Понятия "союзность" и "частица-союз" являются далеко не однозначными, что позволяет включение многих слов в сферу частиц-союзов. Поэтому необходимо более строго и точно определить содержание и объем рассматриваемых понятий.

3. Термин "союзность" может рассматриваться двояко. Союзность в широком смысле включает в себя любое средство выражения связи как между компонентами предложения, так и между отдельными единицами текста. Такое толкование союзности относит ее к области прагматики и текстологии, в которых закрепилось название "связность"<sup>7</sup>. Союзность в узком смысле обозначает такую синтаксическую функцию, которая тождественна или аналогична функции союзов как таковых.

Функция союзов в основном заключается в выражении известных синтаксических связей между членами предложения или частями сложного предложения. Таким образом, приписывая частицам союзную функцию, мы подчеркиваем их роль в соединении различных членов предложения или частей сложного предложения. Союзной функцией, как это явствует из

перечня, данного Н.Ю. Шведовой, обладают отнюдь не все частицы. На вопрос, чем частицы с союзной функцией отличаются от остальных частиц, О.Е. Знаменская в двух своих работах, местами дословно тождественных по содержанию, дает следующий ответ: "В роли союзов выступают прежде всего такие частицы, в семантике которых заложена способность выражать те или иные отношения между частями предложения"<sup>8</sup>. Подобная формулировка, однако, не способствует выявлению конкретных критериев разграничения частиц-союзов и собственно частиц. Дело в том, что с точки зрения функциональной частицы объединяются в одну часть речи благодаря общности лишь одного признака. Как справедливо отмечает Н.Ю. Шведова, "общим для всех этих функций /т.е. функций, выполняемых частицами -- К.Ф./ является то, что во всех случаях в них присутствует значение отношения"<sup>9</sup>. Итак, выражение отношения, или союзность в широком смысле, не может служить критерием отграничения частиц-союзов от собственно частиц. Отделить частицы-союзы от других частиц может союзность в узком смысле, поскольку союзная функция, как отмечает О.Е. Знаменская, "не одинакова для различных частиц"<sup>10</sup>.

Оставляя ненадежный критерий способности выражения отношения в стороне, О.Е. Знаменская привлекает и другой определяющий фактор: степень лексической полновесности частиц, ср.: "Чем полновеснее лексическое значение частицы, тем слабее ее союзные функции"<sup>11</sup>. Данная констатация, однако, ставится под сомнение замечанием автора о совпадении у частиц лексического и грамматического значения, так как последнее противостоит дифференциации частиц с точки зрения удельного веса их лексического значения. Кроме того, противопоставление лексической полновесности и союзной функции, как нам кажется, противоречит тенденции образования т.н. производных союзов, которые появляются с развитием синтаксического строя для выражения более специфичных связей /ср. ввиду того, что, благодаря

тому что и др./.

Характер подхода О.Е. Знаменской к соотношению союзов и частиц явствует из следующего утверждения: "При употреблении в функции союзов у частиц происходит изменение лексико-синтаксических связей: они отделяются от выделяемого слова и начинают относиться ко всему предложению"<sup>12</sup>. На этом основании можно было бы предположить, что -- в соответствии с позицией Н.Ю. Шведовой -- переход частиц в союзы есть закономерный процесс, обусловленный неким функциональным изменением их синтаксического поведения. С другой стороны, исходя из описанного выше процесса "семантической и синтаксической транспозиции частиц"<sup>13</sup>, можно было бы прийти к выводу, что различие между союзом и частицей определяется в зависимости от того, относится ли анализируемое слово к одному из слов данного предложения /т.е. является частицей/, или же оно относится ко всему предложению /т.е. выступает в роли союза/. Известно, однако, что выделение одного компонента предложения характерно не только и даже не столько для частиц, сколько для некоторых союзов. Ср. примеры из БАС-а /1/ и из словаря С.И. Ожегова /2/:

/1/ Гость молчал. Молчал и хозяин.

/2/ Я уезжаю, товарищ же остается.

Данную точку зрения /т.е. объяснение наличия группы "частиц-союзов" посредством приближения частиц к союзу/ невозможно признать безошибочной и потому, что такой подход не может выявить причину указанной транспозиции.

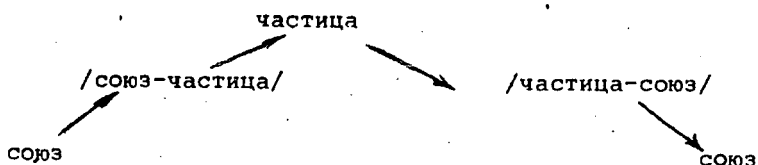
4. Наиболее убедительным нам представляется следующее решение вопроса соотношения союзов и частиц.

Процесс образования взаимосвязи между некоторыми союзами и частицами следует охарактеризовать как обратный тому, что был представлен Н.Ю. Шведовой и О.Е. Знаменской. Ср.:

/а/	частица	----->	частица-союз	----->	союз
/б/	союз	----->	союз-частица	----->	частица

Рассмотрим аргументы, которые можно привлечь в доказательство обратного процесса, предполагающего тенденцию превращения некоторых союзов в частицы.

В первую очередь следует иметь в виду, что частицы как отдельная часть речи появились в сравнительно поздний период языкового развития. Согласно данным Ю.Г. Скибы "в раннеписьменный период в старославянском и древнерусском языках регистрируется не многим более десяти партикульных лексем", и "только со времен М.В. Ломоносова количество предлогов и частиц в русском языке увеличилось, как минимум, в четыре раза..."<sup>14</sup>. Позднее образование частиц характеризуется тем, что за исключением некоторых первообразных частиц /какими, например, являются отрицательные и утвердительные частицы/ все частицы возникли как производные, т.е. их формирование восходит к определенным модификациям слов и словосочетаний иных частей речи. Так, среди частиц выделяются частицы глагольного /бишь, ведь, мол и др./, наречного /еще, уже, просто и др./, местоименного /оно, вот, вон и пр./, а также и союзного /и, же, ли/ происхождения. Среди приведенных выше лексем, выделенных Н.Ю. Шведовой в группу частиц-союзов, подавляющее большинство отличается как раз союзным началом. Если изобразить весь процесс приближения частиц к союзам, предполагаемый Н.Ю. Шведовой и О.Е. Знаменской, в виде последовательных стадий, то в случае частиц союзного происхождения получилась бы следующая картина:



Развитие в функционировании отдельных слов такого возвращения к исходной позиции, однако, не допускает.

Интересная в этом отношении история слова ведь, которое первоначально употреблялось как глагольная форма, а затем превратилось в т.н. производный союз. Союзное использование лексемы ведь отмечено в "Словаре русского языка XI--XVII вв.", который употребление слова ведь как союза относит к XII веку<sup>15</sup>. Что касается дальнейшего развития слова ведь, то здесь уместно привести следующие слова О.Е. Знаменской: "Литературные памятники показывают, что слово ведь всегда жило в народном языке; только в XVII в. стал употребляться союз потому что. Причина победы последнего заключалась в этимологической и смысловой прозрачности, а ведь к тому времени эту ясность утратило"<sup>16</sup>. Возможно, именно утрата "этимологической и смысловой прозрачности" и привела к ослаблению союзного употребления слова ведь. Об этом свидетельствует, в том числе, и пример О.Е. Знаменской /см. там же/, иллюстрирующий совместное использование слов потому что и ведь, которое можно объяснить -- согласно принципу экономии в языке -- лишь различием в функции и значении указанных слов. Тяготение слова ведь к частицам подчеркивается рядом признаков, приведенных А.Б. Шапиро<sup>17</sup>. Ю.Г. Скиба считает, что ведь как частица возникло приблизительно в конце XVII века<sup>18</sup>.

В-общем можно констатировать, что союз является этимоном восходящей к нему /и обычно омонимичной/ частицы. Превращению союза в частицу содействует общность их основной функции, т.е. общность выражения отношения. А различие между союзом и частицей проявляется в характере выражаемого отношения. Отношение, передаваемое союзом, есть отношение сугубо синтаксико-семантическое, т.е. союзы являются показателями синтаксической и/или семантической связанности отдельных членов предложения или частей сложного предложения. Частицы в свою очередь раскрывают отношение говорящего к содержанию высказывания, т.е. частицы есть мо-

дальние средства выражения отношения. Соответственно, слово и в примере /3/ следует отнести к союзам, поскольку оно устанавливает связь между равноправными в формальном и семантическом отношении компонентами данных предложений:

/3/ -- ... жена у меня была местная, как говорится, чернокожая. И дети, вот видишь, получились черненькие. Да я и сам уже черный...

/Нилин: Из африканского дневника/

Это же слово выступает в функции частицы, когда оно употребляется не в целях связывания двух или более членов предложения, а для выражения отношения говорящего к содержанию высказывания, ср.:

/4/ Я спрашивал у его жены и старухи тещи, где Егорыч. -- На работе! -- сердито отвечали они и смотрели на меня недобро, будто я и был причиной того, что Егорыч не жил дома.

/Еременко: За сеном/<sup>19</sup>

По всей вероятности, в основе транспозиции семантики и функции какого-либо союза лежит изменение в его отношении к компонентам предложения, которое дает знать о себе в виде некоторых возможностей. Например, однозначность употребления слова в роли союза или частицы может заключаться в том, что частица в предложении занимает такое место, которое в силу формальных или семантических причин не свойственно союзу. Такой позицией можно считать в примере /4/ место частицы и перед сказуемым /"будто я и был"/, где слово и как союз не употребляется. В других случаях семантическая причина препятствует двусмысленности, например тогда, если частица выделяет такой член предложения, который не вступает в соединительную связь с каким-либо компонентом предложения или предшествующего контекста. Ср. типичные конструкции: Я и не знаю..., Я же говорю..., Я

ведь говорю... и др.

Тем не менее утрата прямой соотносительности проходит не бесследно. Частица, этимологически восходящая к союзу, продолжает устанавливать связь между более крупными единицами речи. Об этом свидетельствует невозможность использования частиц союзного происхождения в самом начале коммуникативного акта. Так, в следующем примере появление частицы да обусловлено выражением некоторой доли противопоставления высказываемого с предшествующим сообщением:

/5/ -- Люба, почему ты такая бестактная?

-- Да что я сказала? Я просто поражена.

/Трифонов: Старик/

Итак, в связи с соотношением союза и восходящей к нему частицы можно прийти к выводу, что союзность частицы в первую очередь проявляется в ее способности выражать модальное отношение говорящего к содержанию высказывания, причем выражение семантико-синтаксической связи, характерной для союза, следует признать несущественным, малопроязненным.

5. В заключение следует ответить на вопрос, имеется ли в ослаблении союзной функции такой момент, который можно было бы определить как переходный между союзом и частицей. Иными словами, можно ли выделить переходную категорию "частиц-союзов" или "союзов-частиц", как название в свете толкования процесса транспозиции представляется нам более подходящим.

Представленное выше понимание соотношения союза и частицы, как нам кажется, позволяет выявить такие признаки, которые составляют специфику переходной части речи, т.е. ответ на поставленный вопрос может быть позитивным.

Союз-частица как переходная категория характеризуется тем, что, во-первых, продолжает выражать непосредственную связь между определенными членами предложения. Во-вторых, употребление союза-частицы сигнализирует непроч-



ность установленной связи, некую избыточность или грамматическую "ненужность" этой связи. Это сказывается в том, что изъятие союза-частицы из предложения не приводит к разрушению синтаксической конструкции. С другой стороны, отсутствие полноценной прямой соотносительности открывает возможность для образования новой семантики и функции, зачатки которых заложены уже в этой переходной стадии. Ср.:

/6/ Во всех Ведерках оставалось только одно такое  
дерево. Вот за этим-то деревом и пришел теперь  
Антипч.

/Пришвин: Корабельная чаща/

Здесь слово и напоминает союз тем, что оно указывает на корреляцию двух членов предложения /дерево -- за деревом/. В то же время и, в отличие от союза и, занимает место непосредственно перед сказуемым, что характерно лишь для частицы и. Хотя с изъятием слова и в плане содержания и происходят некоторые семантические сдвиги /в основном отсутствие конкретного указания рассказчика на возвращение к предыдущей нити повествования и ее связи со вставленным предложением/, но конструкция в целом не разрушается. Об ослабленности указания связи между обстоятельством второго и подлежащим первого предложения посредством слова и свидетельствует его совместное употребление с другими словами с той же функцией /вот и -то/. Однако слово и в примере /6/ нельзя считать и полноценной частицей в силу невыраженности точного модального содержания акцентирования, усиления со значением соответствия.

Отметим, что критерий возможного изъятия союза-частицы выступает в качестве основного фактора в словарной статье Н.Ю. Шведовой, в которой автор к "союзным частицам" относит лишь те, которые "всегда поддаются изъятию" и которые всегда показывают "смысловую связь вводимой ими части сложного предложения с предшествующей ей частью: Зовут, так /тогда/ надо идти..."<sup>20</sup>.

Можно констатировать, что союзность как характерную черту частиц, восходящих к союзам, целесообразно оценить

как признак, унаследованный от этимонов. О союзе-частице, на наш взгляд, можно говорить в том случае, если изучаемое слово действительно проявляет элементы функционирования обеих частей речи. Изложенные здесь утверждения носят довольно общий характер, и, разумеется, они требуют дальнейшего тщательного уточнения, причем круг возможных союзов-частиц следовало бы ограничить в зависимости от наличия указанной двойственности функционирования отдельных слов.

Замечания

1. Русская грамматика. т. I, М., 1980, с. 714.
2. О.Е. Знаменская. Частица "ведь" в функции союза. -- В кн.: Слово и словосочетание в структуре предложения. Межвуз. сб. научн. тр. М., 1981, с. 116.
3. Об этом см.: В.В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, с. 667--668; Его же. О категории модальности и о модальных словах в русском языке. -- В кн.: Труды Института русского языка АН СССР. т. II, М.--Л., 1950, с. 76.
4. Н.Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960, с. 164.
5. Неопределенность критериев отнесения некоторых слов к той или иной части речи именно по отношению к частицам была подвергнута резкой критике в статье У. Арндта, см.: Walter Arndt. "Modal Particles" in Russian and German. -- In: Word, No. 3, 1960.
6. Термин "связующее слово", на наш взгляд, является не менее неопределенным, чем "частица-союз", поскольку неясно, что под ним понимается: союз, союзное слово, или же любое слово выражения связи.
7. Искусственный полилог С. Карцевского, приведенный Н.Ю. Шведовой в качестве доказательства союзности частиц /см. "Очерки..." с. 163/, содержит не частицы, а союзы, дело лишь в том, что они употреблены в прагматической функции. О прагматике функционирования союзов подробно пишет напр. Р. Познер в работе: Roland Posner. Semantics and Pragmatics of Sentence Connectives in Natural Language. -- In: Speech Act Theory and Pragmatics. Dordrecht, 1980.
8. Ук. соч., с. 116; Ее же. Функции частицы ведь в современном русском языке. -- В кн.: Географические и хронологические пределы распространения русской лексики. М., 1980, с. 135.
9. "Русская грамматика", с. 723.
10. См.: "Функции частицы ведь...", с. 135.
11. Там же, с. 134--135.
12. Там же, с. 135.
13. См. О.Е. Знаменская. Частица "ведь"... с. 116.
14. Ю.Г. Скиба. Русские предлоги, союзы, частицы. Опыт системно-исторического исследования. АДД. Черновцы, 1980, с. 38 и 4.

15. Ср. пример на странице 50: "Да аще възвратится от рати и обряцеть мя сице, ведѣ главу мою отсѣчь".
16. О.Е. Знаменская. Частица "ведѣ"... с. 118.
17. А.Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953, с. 246--247.
18. Ук. соч., с. 41.
19. О разграничении союза и и частицы и см.: К. Фабриц. К вопросу об отграничении частицы и от союза и. -- In: *Dissertationes Slavicae*. XV. Szeged, 1983.
20. См.: Русский язык. Энциклопедия. М., 1979, с. 390.